13 марта на юбилейном вечере, посвященном 75-летию «Известий», мы услышали немало добрых пожеланий и напутствий. Таковы правила юбилеев: на них (как и на более печальных событиях) о виновнике торжества говорят либо хорошо, либо ничего. Жванецкий не был бы Жванецким, если бы не отошел от этой традиции. Его «юбилейная речь» была жесткой и неприправленной елеем. И мы благодарны писателю за это. Раз о нас говорят так, значит, мы еще живы.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

«75»

Известия. – 1992. – 17 марта. – с. 3

Уже 75 лет «Известиям»! Боже, как быстро. Казалось, вот только что в 1917-м я держал ее первый номер, и уже 75. Как летит время. Вы прошли достаточный путь. Кого вы только не поддерживали: и меньшевиков, и большевиков, и Владимира Ильича, и Иосифа Виссарионовича. А как вы были расстроены, когда он умер. Вы писали: «Все! Жизнь кончилась. Как мы теперь? Куда мы теперь? Хорошо хоть верные соратники остались: Берия, Каганович, Маленков, Хрущев». А потом вдруг обрадовались: «Правильно, что умер. Очень верно, что его больше нет. Изверг! Изверг! Изверг! Тьфу! Тьфу! Хорошо, что Никита Сергеевич остался — верный, точный ленинец. А Берия, какой мерзавец,— обрадовались вы, — а Маленков, а Каганович! Изверги! Изверги! Тьфу!» И поддерживали нашего дорогого Никиту Сергеевича, и газета, как всегда, была живой, интересной. Потом и он запутался в кукурузе, в хлебе, в обкомах, зато остались верные соратники, и вы, плюнув в сторону этого мерзавца, живо и талантливо поддержали их. Целина, комсомол... Безоговорочная поддержка ЦК чередовалась с острыми разоблачениями районных руководителей, носильщиков, завмагов и даже начальников городских торгов, до чего не подымалась ни одна газета бывшей царской России, потом СССР.

Так, хваля и воспевая, вы приближали кончину Леонида Ильича, наступившую от чрезмерного употребления женщин, алкоголя, Афганистана и советско-американских отношений.

Невзирая на изобилие продуктов в день похорон в Москве из-за оцепления и блокирования иногородних поездов, вы были искренни и талантливо безутешны: «Умер Леонид Ильич». На следующий день вы сказали: «Ну умер. Ну что делать». А на третий день: «Правильно умер. Очень точно умер. Хватит — что был, что не был. Зато остались соратники». И живо, и талантливо поддержали Юрия Владимировича, сократив ему вырванные годы. Пошуровав немного в кинотеатрах, нагрянув пару раз на бездельников и тунеядцев, сидевших в кино в дневное время, скончался и он. И вы поддержали его в этом, человек он был культурный и скончался вовремя. И правильно.

Грустили вы крепко, но часто. Там пошли потоком. Уличные динамики никогда раньше в таком количестве не выдавали Грига и Бетховена. Лучшие пианисты с шести утра портили настроение классической музыкой. Лафеты шли через Красную площадь, как обозы с мороженой рыбой.

«А сегодня кто?» — слабо интересовалось население.

«Устинов»,— вздыхали «Известия».

«Дмитрий Константинович, что ли?» —«Да, кажется», — писали вы и горевали вместе со всеми. Ушел от нас... Еще ушел от нас. И еще ушел от нас. Ушли они, как и пришли, одновременно.

Но остались соратники, и, колыхаясь и поддуваясь, в реанимации принял дела Константин Устинович Черненко.

И вы правильно его поддержали потому, что он тут же скончался в том же настроении.

Пришел Михаил Сергеевич, и началась перестройка, поддержанная вами всей душой.

Лучшие законы тех лет о госприемке, о нетрудовых доходах, об алкоголе, об агропроме были живо и талантливо поддержаны нашей любимой газетой потому, что кто же мог знать, что они ошибочные. Не знал никто, кроме населения, которое обожало выпивку на нетрудовые доходы под ругань госприемки.

Первый парламент — первый роспуск его был поддержан всеми нами и вами.

Наступили времена демократии. Ничего не скажешь. Настоящей демократии — говори что хочешь. Сделать что-нибудь невозможно. Невозможно даже выполнить приказ, если сумеешь в нем разобраться. Хочешь заплатить налоги, а там не принимают!

Население движется само по себе. Куда-то едут машины, приехав туда, едут обратно. Народ вяло движется между законодательной и исполнительной властью. Попытки придерживаться инструкции разбиваются поступившим указом. Желание выполнить указ входит в противоречие с инструкцией. Пошуровав между ними с полмесяца, трудовое население вынесло на улицы запасные кроссовки, хоженые часы, недопитый аспирин и обменивается ими с помощью денег.

Так что товары действительно появились, хотя их никто не производил. По прогнозам правительства, грядет изобилие непроизведенных товаров.

Качество воздуха, питьевой воды, просроченные консервы и эмиграция быстро решат проблему жилья.

Ожидается изобилие непостроенных квартир к 2000 году.

Вхождение в рынок оставшегося в живых населения будет триумфальным. Национальные конфликты освобождают посевные площади. Оставшимся на этой земле должно хватить молока и мяса без увеличения поголовья.

Закон, по которому количество мяса зависит от соотношения поголовья народа и скота, сработает и тут. Вот где торжество новой экономики. Неизвестной доселе миру.

Так что те, что останутся, могут смотреть в будущее оптимистично. А вот кто останется — решит рынок.

Ваша газета останется. Это точно. А кто из журналистов, пока неизвестно, но скоро все выяснится.

Вы поддержали демократические преобразования, хочется сказать, с триумфом идущие по стране. Ничего, если мы ошиблись, младшие товарищи нас поправят.

А пока на ваш ежедневный труд хочется мягко откликнуться снизу. Короткие ваши заметки читают все, средние, в полстраницы, просматривают те, кто надеется встретить свою фамилию, длинные — не читает никто. Поэтому есть смысл — самое острое располагать там, особенно в историях с продолжением, когда нервное истощение от авторов (там их почему-то два) передается читателям, которых тоже два. Возвращение Надеина, как говорят в Одессе, очень сильно усилило ослабленный газетный юмор.

Вообще, отсутствие советской власти развязало сатириков, и они разбежались кто куда. Если раньше они дружно лаяли на проходящий поезд, гордясь своей эффективностью, то сейчас один залает на селе, другой у Белого дома, третий с балкона Моссовета, самый кудлатый пригрелся в столовой, многие лают из-за рубежа, причем вдвое громче, т. к. питание лучше.

А в общем, «Известиям» — 75, и этот скверный путь, который прошли мы со своей газетой, есть наш. И этот скверный опыт, который приобрели мы со своей газетой, есть наш.

И то, что мы считаем хорошей жизнью, может быть, уже было, а может быть, еще будет.

Поездив по капитализму, я четко могу сказать, какие мы счастливые. Мы этого всего еще хотим.